

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Бенно Цизер

ДОРОГА НА СТАЛИНГРАД

**ВОСПОМИНАНИЯ
НЕМЕЦКОГО ПЕХОТИНЦА**

1941–1943

Бенно Цизер

Дорога на Сталинград.

Воспоминания немецкого пехотинца. 1941-1943

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156639

*Дорога на Сталинград. Воспоминания немецкого пехотинца. 1941—
1943 / Пер. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; М.; 2010
ISBN 978-5-227-02134-4*

Аннотация

Воспоминания Бенно Цизера – уникальное свидетельство немецкого пехотинца, которому удалось выжить в Сталинградской битве. Он рассказывает о пути к Сталинграду, завершившемся для немцев грандиозным поражением. Перед Цизером предстал весь ужас, вся бессмысленность и безысходность войны. Битва, без всяких перспектив для немцев, захлебнулась в море крови. В последний день января 1943 года 6-я германская армия сдалась русским у Сталинграда.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бенно Цизер

Дорога на Сталинград.

Воспоминания немецкого пехотинца. 1941—1943

Глава 1

На плацу эхом отдавались резкие звуки команд. Ноги чеканили широкий шаг, сжатые в кулаки руки были прижаты к бедрам, сержанты выкрикивали команды. На нас, проходящих подготовку, была рабочая солдатская униформа, стальные каски и ботинки. Мы носились кругами, как бешеные псы, забыв про палящее солнце, ползали в красноватой пыли или высоко задирали ноги. Направо, шире шаг! Мы были похожи на балетных танцоров, репетирующих часами напролет, не считая воскресенья. Этот вид упражнений в учебном плане значился как строевая подготовка. Наш командир взвода был болен, и его заменил рябой фельдфебель.

— Кругом!.. Быстрый шаг... Стой!.. Строем, быстрый шаг!.. Подравнялись!.. Равнение на середину!.. Вы, ленивые старухи... Пошевеливайтесь... Направо!.. Эй, там, в чем дело?

Пилле, этот остолоп, опять ошибся – он таки повернул налево.

– Всем шаг назад, марш!.. Упали на живот! Отжались! Раз, два, раз, два... Направо равняйся!

Пилли, виновато моргая, посмотрел сначала на Францла, потом на меня, а рябой крикнул:

– Эй, там! Как фамилия? – Не получив ответа, он снова гаркнул: – Да, я к тебе обращаюсь! Ты, долговязый брюнет, с крючковатым носом!

– Гален, – сказал Пилле. Он был в замешательстве.

– О господи! – пробормотал Францл.

Мы все уже знали, что произойдет.

– Гален? – гаркнул рябой. – Что это, черт побери, означает? Сорт мыла или что-то еще? Рядовой Гален, господин фельдфебель – так нужно было ответить. Понятно? Еще раз, – прорычал он. – Как фамилия?

– Рядовой Гален, господин фельдфебель!

– Не мог бы ты быть так любезен быть собраннее, когда обращаешься ко мне? – сказал рябой. – Шаг вперед... марш!

Пилле неуверенно подчинился и покраснел до ушей.

– Профессия? – пролаял рябой.

– Выпускник колледжа, – сказал Пилле.

Рябой усмехнулся, как будто услышал веселую шутку:

– Так ты один из этих умников, да? Я мог бы догадаться. Так вот, заруби себе на носу. Студента колледжа у нас называют не-ве-жда! Понятно? А теперь давай говори, приятель!

Профессия?

Мы видели, как Пилле задумался.

– Потерял голос? – прорычал рябой.

– Выпускник колледжа, господин фельдфебель, – повторил Пилле. У парня был характер.

– Лечь! – прокричал рябой, и через мгновение Пилле уже вытянулся на земле, выполняя двадцать отжиманий. – Вы меня еще узнаете! – проорал фельдфебель.

Все они, фельдфебели, были мастаки на такие штуки, как, например, заставить выполнить десять приседаний с винтовкой, держа ее перед собой. Их главной заботой было сломить молодых новобранцев.

– Теперь ты знаешь, кто ты?

– Невежда, господин фельдфебель. – Пилле тяжело дышал.

– Уже лучше. Теперь еще раз, но громче.

И наконец Пилле хрипло прокричал:

– Невежда, господин фельдфебель!

– Встать в строй! Есть тут еще невежды?

Ради для смеха я отозвался. Потом услышал, как Францл рядом пробормотал:

– Со мной этот номер не пройдет.

Однако рябой его услышал.

– Отставить разговоры! Ты кто? – Он уже догадался, что мы трое были друзьями.

Но Францл сразу не ответил. Францл ростом выше метра

восьмидесяти и крепкого сложения. Если его разозлить, его мягкие карие глаза превращаются в щелочки и он становится похож на пантеру, готовую к прыжку. Наконец, голосом, прозвучавшим так уверенно, что не оставалось никаких сомнений, он прокричал:

– Рядовой Пилле и я в одном ранге, господин фельдфебель!

И вопрос был исчерпан.

В обеденный перерыв, вернувшись из столовой, мы обратили внимание на державшегося особняком парня, явно старше нас. Он сидел согнувшись на лавочке неподалеку.

– Посмотри на него, – сказал Пилле. – Что это с ним?

Когда мы подошли ближе, маленький человек поднял голову, и мы увидели, что он носил толстые роговые очки. Пилотка, слишком большая для него, была надвинута на голову так, что закрывала уши. Он выглядел бы комично, если бы не его жалкий, потерянный вид.

– Господи! Он плачет!

– Они его до смерти запугали, – предположил Францл.

Вилли присоединился к нам в казармах, а через пару минут вошел Шейх. Страдающий плоскостопием и склонный к полноте, он с трудом доковылял до стула и плюхнулся на него, тяжело дыша и вытирая пот со лба.

– Ох, моя больная спина, – проревел он, обмахиваясь носовым платком. – Ну и жара! Рубашка прилипла к моей мощ-

ной груди. – Когда Пилле засмеялся, Шейх гаркнул: – Заткнись, ты, долговязый растяпа! Тебя бы в ту мельницу, через которую нас протащили, твоим родителям пришлось бы искать другого наследника.

Именно Пилле первым придумал ему прозвище Шейх, потому что тот, несомненно, был самым ленивым малым в нашем классе. Он всегда у кого-нибудь списывал домашние задания, прежде всего у Пилле, и того это всегда бесило. Поэтому, говоря о Курте Юнглинге, он всегда называл его «этот проклятый Шейх».

Теперь Шейх повернулся к Вилли за подтверждением:

– Давай посмотрим правде в глаза. Эта скотина Майер вытряс из нас всю душу, разве не так?

Вилли слегка пожал плечами и ответил мягко:

– Это верно. Нам всем досталось.

По природе Вилли был слишком чувствителен для армейской жизни. У него были тонкие, почти девичьи черты лица. Он был объектом безжалостных шуток в школе из-за своих мягких темно-рыжих волос. Он был лучшим по успеваемости в классе, но никогда не ходил в любимчиках у учителей: дружба товарищей по классу была для него важнее. Вилли носил роговые очки, точно такие, как у парня, которого мы видели плачущим.

– А кто этот великовозрастный парень в толстых очках из вашего взвода? – спросил я Шейха.

– Полагаю, ты имеешь в виду Моля, – сказал он. – Школь-

ный учитель, у него двое детей. – После небольшой паузы он добавил: – Майер просто достал его. Бедный парень беспомощен и ужасно уязвим. Майеру, конечно, не понадобилось много времени, чтобы это понять, и теперь он набрасывается на него, как цепной пес. Поверь мне, этот негодяй настоящий садист.

Я вдруг вспомнил, что должен идти с докладом к ротному старшине, и побежал по коридору в его кабинет. Новобранцы должны были все делать быстро; в первый же день старшина вбивал это нам в голову. «Все в казармах и на плацу, – говорил он, – следует выполнять моментально. Если застану кого-нибудь прогуливающимся, то преподам ему урок».

Я еще раз одернул гимнастерку и провел рукой, чтобы убедиться, что пилотка сидит ровно. Затем постучал. Изнутри послышалось ворчанье, и я попросил так зычно, как только мог, разрешения войти.

– Войдите! – прозвучал похожий на рев голос, и я вошел и доложил.

Старшина роты стоял склонившись над столом, спиной ко мне. Прошло некоторое время, прежде чем он обернулся, скрестив руки на груди.

– А, вот и ты, Санта-Клаус, – сказал он. – Не соизволил бы ты ровнее держать руки по швам? И не смотри так чертовски высокомерно! Твое непослушание слишком дорого мне обходится. Четырех недель должно было бы хватить, чтобы сделать из тебя солдата, а ты все еще гражданский болван

в форме. Ты, похоже, не в состоянии понять, что значит носить форму германской армии. погоди, я научу тебя, будь уверен. Между прочим, это касается и твоих приятелей. Можешь передать им это от меня. Но прежде всего я определяю тебя в другую команду. А теперь убирайся! И поживее, если не против.

Уже выйдя из кабинета, я столкнулся с лейтенантом Штраубом. Я собирался проскользнуть мимо, отдав честь, но он остановил меня:

– Был у старшины? Что ты такого натворил?

– Все зависит от того, как на это посмотреть, лейтенант, – сказал я. – Но старшина говорит, что переводит меня и моих друзей в разные взводы, чтобы сбить с нас спесь.

Офицер рассмеялся:

– Мы разберемся с этим. Это можно уладить.

Наш командир взвода был неплохой парень.

Мы были на полевых учениях, отрабатывая наступательные и оборонительные действия. Третий взвод окопался на краю леса, а мы должны были атаковать. Командир второго взвода с торчащим животом выглядел смешно в тесно обтягивающей его форме. Он поспешно отдавал последние указания.

– Представьте себе, что вы на линии фронта, – говорил он, – и вас осыпают градом пуль. Поэтому ведите себя соответствующим образом.

Что мы знали о линии фронта? Мы знали, что нам дадут медали, а противник будет сдаваться толпами. Наши ребята захватили Польшу, а потом Францию. На фронте они чертовски хорошо сражались: в их глазах не было ни тени страха и всегда была великая цель впереди.

То, что они совершили, было и нам по плечу. Означало ли это, что мы были выскочками? Конечно нет – мы не были трусами. Если бы мы были на фронте, получили бы Железный крест и похвалу от гордой за нас родины, а также продвижение по службе. За храбрость перед огнем врага. Если бы такое произошло, парень вроде рябого повесился бы – и он, и ротный старшина, и вся проклятая их компания.

По-видимому, назревала война с Советским Союзом, и это значило, что мы, по крайней мере, увидим начало боевых действий.

Весело застрочили наши пулеметы. Мы стремительно двигались вперед. Теперь мы были настоящими солдатами, преисполненными гордости от того, что служим в армии. Нас охватила волна энтузиазма. Один из солдат вдруг закричал «Ура!», а потом еще один, и вскоре мы все орали как ненормальные. Пусть где-то стреляют снайперы, пусть вокруг нас разрывы минометных снарядов – какое это имеет значение? Любой дурак знает, что потерь не избежать, – нельзя сделать омлет, не разбив яиц, – но мы собирались сражаться до победы.

Кроме того, если кого-то из нас сразит пуля, он погибнет

смертью героя. Так что «ура», вперед, в атаку!

– Выйти из строя для проверки обуви. Сколько же тут всего этих проверок? Проверка винтовок, проверка комплекта столовых принадлежностей, проверка тумбочек – не было конца этим проверкам. И кому-нибудь из нас всегда доставалось: либо он получал наряд на кухню, либо сверхурочно занимался строевой, либо лишался увольнительной. Чаще всего это был рыжеволосый Вилли. Как он ни старался, но, выставив свое имущество на проверку, всегда оказывался виноватым. Командир сразу находил к чему придраться и за что сделать выговор.

Еще одним новобранцем, у которого постоянно возникали неприятности, был Моль, маленький школьный учитель. Армейская муштра постепенно ломала его психику. Вилли говорил, что парень по натуре был меланхолик и часто заговаривался.

Мы выставили в ряд свои сапоги – два часа потратили на то, чтобы начистить их до блеска. Старшина едва взглянул на сверкающую кожу, и казалось, что у всех все в порядке. Только было мы вздохнули с облегчением, как услышали команду:

– Гимнастерки долой!

Мы совсем не были к этому готовы, и я тоже получил нагоняй: на мне не было подтяжек – я терпеть не мог этих проклятых помочей.

Потом я увидел, как старшина навел страх на учителя. Болтающаяся пуговица была достаточным поводом для того, чтобы обратить на него внимание, поэтому он на него наорал. Моль, стоя навывтяжку и дрожа от страха, глотал оскорбления. Старшина продолжал орать, а Моль словно съеживался на глазах. Придира никогда не осмелился бы устроить еще кому-нибудь такую головомойку. Он не выбрал бы ее объектом, к примеру, Шейха, потому что такого рода вещи тот воспринимал с ледяным спокойствием, и старшина это видел. Но в случае с учителем он чувствовал, что каждое слово ранит того, как удар бича, вот он и взял его в оборот. Всем нам было жалко Моля.

Военная подготовка продолжалась, интенсивная подготовка, бесконечная, нудная муштра. Вилли навещал нас так часто, как только мог. Он ощущал огромную потребность в нашем обществе; с нами он не чувствовал себя незащищенным. Казармы наполняли его страхом – страхом, который вызывал у него Майер и ему подобные, – и он боялся многих других. Францл угрожающе потрясал своими внушительными кулаками и что-то ворчал о том, что бы он сделал с этим негодяем Майером, попади тот ему в руки.

Однажды во время утренней поверки старшина роты объявил, что требуется кто-нибудь, знающий английский язык, в качестве переводчика для выполнения специального задания: тот, кто имеет достаточные языковые навыки, может за-

явить о себе. Вдруг, кто-то громко, с воодушевлением крикнул: «Я!» Мы обернулись. Это был учитель Мольте. С надеждой он поднялся на носки, размахивая в воздухе своими очками, и от возбуждения на его щеках выступил румянец.

— Кто сказал я? — спросил старшина.

— Рядовой Мольте, господин старшина.

Придира старшина вскинул голову.

— Кроме шуток! Ты один, из всех присутствующих? — насмешливо спросил он. — Солдат-полудурок вроде тебя? Да ты осрамишь всю роту! Ты такой неумеха, что не выдержишь и трех дней. Кроме того, нам нужен человек, годный для службы в тропиках, и я не понимаю, как ты можешь подойти.

Мольте был потрясен. Он медленно водрузил на нос очки. Должно быть, у него была сильная близорукость.

В тот день, ближе к вечеру, во время учебных стрельб пуля пробила ему голову. Он умер на месте, его очки болтались на одном ухе. Кровь капала на стекло. Командир роты расценил это как достойный сожаления несчастный случай: проводивший стрельбы унтер-офицер будет наказан за халатность. Ответственным был Майер. Мольте стрелял дважды, и оба выстрела ушли выше цели. Майер дал волю своим издевательствам и обещал Мольте преподать ему особый урок. Возникла долгая пауза, во время которой учитель посмотрел Майеру прямо в глаза и, прежде чем тот успел остановить его, направил пистолет на себя.

Францл был вне себя.

– Сукина сына следует избить до смерти, – говорил он в бешенстве.

– Должно быть, это муштра, – сказал я, – нечеловеческая нагрузка военной подготовки.

– Может, сказался и характер Моля, – заметил Вилли, к нашему великому изумлению. – Я говорил вам, он – меланхолическая натура. Рано или поздно он в любом случае сделал бы это, даже без казарм и без такой скотины, как Майер.

Несколько дней спустя Майер был переведен в боевой полк, моторизованное подразделение, и нам официально объявили, что он вызвался добровольцем на фронт.

У нас был новый фронт – мы были в состоянии войны с Советским Союзом.

От Верховного командования поступило распоряжение ускорить нашу подготовку: требовалось пополнение личного состава для Восточного фронта.

Нам велели быть готовыми к форсированному двухдневному маршу в расположенный в 86 километрах учебный центр. При полном параде, в полной выкладке и со всем прочим мы тронулись в путь. Впереди нас важно шествовал, сверкая медными трубами, полковой оркестр. Маленький город заранее начал восхвалять наш героизм.

Потом мы пели. Новомодные воинственные песни мы разучивали без энтузиазма, но теперь мы горланили их во всю силу своих легких.

Примерно через два километра оркестр повернул обратно в город. С ним улетучилась вся наша самоуверенность и гордость. Чары развеялись. Все, что осталось, было толпой несчастных рекрутов, которым предстояло совершить марш в 90 километров за два дня.

– Не так уж все и плохо, – сказал Францл, расстегивая пуговицы воротничка.

Для нас это было как день полевых учений: дисциплина ослабла, нам разрешалось разговаривать на ходу, расстегнуть воротнички и взять на ремень или повесить на плечо наши винтовки, как нам больше нравилось. Позади нас кто-то рассказывал скабрёзные анекдоты.

Мы слушали и тоже смеялись. Пилле и сам рассказал пару анекдотов. Каждый раз, когда доходил до соли рассказа, он выбегал вперед, так что его крючковатый нос маячил над нашими плечами, чтобы убедиться, что мы не упустили ни одну из острот. Я подумал о Вилли, который, по обыкновению, сильно краснел, а потом говорил, что это от солнца.

Через три часа палящее солнце совсем перестало нам нравиться. Наши гимнастерки пропитались потом, языки прилипли к нёбу, винтовки натирали плечи, и все разговоры смолкли.

Мы с трудом продвигались все дальше и дальше, час за часом, левой, правой, – глаза ничего не видели, кроме пыльных каблуков сапог идущих впереди. Прошло еще много часов, прежде чем мы достигли места назначения первого дня.

Стояла ужасная жара. Вскоре некоторые стали выбывать из строя, получив солнечный удар. Подбегали санитары и подносили им к носу нашатырь, а как только жертвы приходили в себя, они снова должны были продолжать марш. Никто не должен был отставать: таков был приказ.

К сумеркам нам наконец разрешили сделать привал в ангарах летного поля. Почти ни у кого не было аппетита – мы хотели только спать.

На следующий день люди падали, как мухи. Крестьянки выставили вдоль дороги ведра с водой. Мы набросились на них, как свора собак, смачивали носовые платки и обвязывали их вокруг шеи. Вскоре нам пришлось просить женщин обливаться нас водой.

Мы все шли и шли, ноги были сплошь в волдырях, некоторые из нас сильно хромали. Я едва тащился. Однако меня доконали не мозоли: должно быть, я растянул правую ногу. Я совершенно выбился из сил и уже не мог идти. Не говоря ни слова, Францл взял мой вещевой мешок, а Вилли понес мою винтовку. Тут подошел, прихрамывая, лейтенант Штрауб:

– В чем дело? Ты же не собираешься совсем свалиться, не так ли? Ведь ты справишься?

– Думаю, что да, лейтенант, – ответил я, еле ковыляя и волоча поврежденную ногу.

Наконец мы прибыли – и тут я рухнул в изнеможении. Когда я пришел в себя, то лежал на койке, а рядом лежали Францл и Пилле. Я стянул сапоги. На подъеме ноги было зе-

лено-коричневое пятно, но опухоли как будто не было.

Францл взвалил меня на свою спину и отнес к полковому врачу. Там уже было полбатальона. Молодой медик потрогал пятно.

– Похоже на классический метатарзальный перелом, – сказал он с сомнением в голосе. – И как же это могло случиться?

Было нелегко разлучаться с остальными. Нам хотелось быть всем вместе, когда нас отправили на фронт, а теперь мне приходилось ложиться в госпиталь. Но Пилле успокаивал меня:

– Не переживай, старина Бенно, мы сохраним за тобой место.

Францл отвлекал меня, заполняя большую часть моего времени.

– Один Бог знает, что нам уготовано, – сказал он.

В госпитале лежали десятки солдат из нашего батальона. Наш форсированный марш продолжал оставаться главной темой для разговоров. Некоторые думали, что его предприняли для того, чтобы закалить нас перед наступлением в Россию, но другие верили, что вся операция завершится за два-три месяца. Когда кто-то сказал, что на это потребуется целый год, мы рассмеялись ему в лицо.

– Разве нам много времени потребовалось на то, чтобы завоевать Польшу или Францию?

Не возникало никакого сомнения, что мы разобьем русских: даже самые закоренелые пессимисты совсем не ожидали поражения.

По радио то и дело торжественно объявляли о блистательных победах, следовавших одна за другой. Красные беспорядочно отступали. При каждом упоминании о наших победоносных армиях меня распирала гордость.

Однако нам не пришлось долго ждать первого разочарования. Прибыл санитарный поезд, первый из России, и санитары стали выносить солдат с оторванными конечностями, в забрызганной кровью форме, с пропитанными кровью бинтами на ногах, руках, на голове и груди. Мы также видели бледные, перекошенные лица со впавшими глазами.

Один из раненных в России, смуглый, толстогубый парень рассказывал нам, как это было. По его словам, все было очень страшно. Красные сражались отчаянно, и мы понесли тяжелые потери. Стремительное наступление продолжалось, но такой ценой, которую мы едва ли смогли бы платить продолжительное время. В довершение всего у русских было несоизмеримо большее число солдат под ружьем.

В госпитале я провел шесть безмятежных недель. За это время перелом сросся и я был выписан, чтобы присоединиться к своей роте, в которой ребята волновались, смогу ли я их нагнать. В конце концов я добрался до казарм, где был размещен мой взвод.

Я открыл дверь и ввалился в «муравейник», где повсюду копошились люди. Они собирали вещи. Первым меня увидел Шейх. Его глаза сузились в величайшем изумлении. Затем он замахал своими пухлыми руками, щелкая пальцами, как кастаньетами.

– О, клянусь моей больной спиной! – закричал он. – Неужели это ты, Бенно? Иди ко мне, свет очей моих!

Меня моментально окружили. Францл жал мне руку до тех пор, пока она не стала болеть, а долговязый Пилле чуть не сломал мне спину, когда хлопал по плечу. Глаза Вилли сияли, когда он взглянул на меня через стекла очков. Он казался еще более хрупким, чем раньше.

Пилле засмеялся.

– Послушай, старик, – сказал он, – мы как раз о тебе говорили. Ты вовремя. Видел приказ на марш? Мы отправляемся сегодня же вечером!

Францл предложил:

– Узнай, можешь ли ты идти вместе с нами. Было бы здорово, если бы мы собрались все вместе.

У нас был новый командир роты, капитан с висками, тронутыми сединой. Он поставил меня перед выбором: пройти еще одну военную учебу или отправиться сразу на фронт вместе с остальными.

– Хотелось бы знать, – сказал он, – действительно ли ты думаешь, что с этим уже все? Действительно ли хочешь отказаться от своего отпуска по болезни? И... что я хотел ска-

зать?.. Интересно, не сложилось ли у тебя ложного представления об этой Русской кампании?

Я смотрел с изумлением. Вопросы задавались напрямик, как команды, но было в его голосе что-то, что, казалось, несло в себе иной смысл. Он был порядочный человек, не сволочь, как Майер, строгий, но человечный. Думал ли он, что я был одним из глупцов, жаждущих сразиться с врагом? Нет, какие бы иллюзии мы ни испытывали одно время, сержанты в лагере выбили их из нас. Просто мы пообещали друг другу держаться вместе, вот и все.

— Давай! — гаркнул капитан. — Ты что, не можешь решить-ся?

Я о многом мог бы ему рассказать. Но сказал только, что хочу идти вместе с остальными, — я это уже хорошо обдумал, — затем поблагодарил его и удалился.

Мы отбыли в тот же вечер в семь. Пассажирский поезд доставил нас в маленький городок, заполненный войсками, готовыми к отправке. В длинной колонне шагали мы к железнодорожному узлу, где ожидали бесконечный состав из грузовых вагонов. Огромная бетонная железнодорожная станция была заполнена серыми полевыми униформами, ранцами и винтовками. В передние вагоны погрузили гаубицы; за ними следовали несколько полевых кухонь, а зенитные орудия и двуствольные зенитные пулеметы были размещены через равные интервалы по всему поезду, чтобы противодействовать низколетящим самолетам.

В десять часов поезд был заполнен до последнего угла, и около полуночи, после двух безуспешных попыток, громоздкий исполин медленно тронулся. Куда? На северный, южный или центральный участок фронта? Мы не знали. Мы даже не были уверены, направляемся ли вообще в Россию.

В вагоне нас было сорок человек. Наконец мы достигли Бреслау и вошли в Польшу. Дети и женщины окружили наш поезд, выпрашивая хлеб. Они говорили на чужом языке, но жесты были достаточно красноречивы. Мы дали им поесть — тогда мы еще могли поделиться едой.

Мы пересекли советскую границу у Пшемысля и увидели первые последствия бомбового удара. Бывшая русская часть местечка была сильно разрушена. Это было там, где началось нападение. Мы молча взирали на разрушения, подавленные великой тайной, которую несла с собой эта война. Груды развалин; трубы, торчащие из нагромождения камней; дома, разрезанные пополам, представившие взору потаенные уголки каждого этажа; металлические решетки, сломанные, как спички; раздробленные балки, разрушенные стены, полный хаос там, где когда-то была нормальная жизнь. Плоды труда многих веков были превращены в золу всего за несколько часов.

Мы все ехали, мимо новых развалин, сломанных деревьев и воронок от снарядов. То тут, то там попадались первые подбитые танки, смертоносные монстры, теперь повержен-

ные сталью. Чем дальше мы продвигались вперед, тем чаще стала попадаться разбитая техника. Там – увязнувший в болоте танк; еще один перевернутый, как убитый жук. Танки с их гигантскими гусеницами, порванными минами... танки без башен, обезглавленные...

Мы пришли в уныние и чувствовали себя подавленно. Мы обратились мыслями к дому, и нам хотелось бы знать, что нас ждет впереди.

– Все на выход! Построиться перед своими вагонами!

Мы были в пути две недели и с трудом верили, что поезд остановился окончательно. Мы собрали свои вещи и прыгнули с поезда, неуклюже передвигаясь на негнущихся ногах.

Мы построились, винтовки были сложены высокой горкой, вещмешки перед нами. Командиры рот были вызваны к командиру части. Нам было позволено прогуливаться, но мы должны были быть на виду.

Пилле отправился взглянуть на ближайшую станцию. По пути Вилли уныло заметил:

– Так вот как далеко ходят германские поезда. Это наша последняя связь с домом.

Город назывался Винница, как гласило наспех нацарапанное название на немецком под русскими буквами. Вокзал был большим, вполне современным и почти без повреждений. Единственная бомба сорвала кусок крыши и поцарапала фасад. Все окна, конечно, были выбиты.

Возле вокзала ожидал длинный поезд из открытых гру-

зовых вагонов. Увидев нескольких солдат из другого полка, бродивших поблизости, Шейх спросил их, для кого предназначался этот транспорт. Один из них обернулся.

– Ты что, ослеп? – проворчал он раздраженно. – Посмотри туда – вон они идут.

Мы вдруг увидели длинную, медленно извивавшуюся коричнево-землистого цвета змейку двигавшихся в нашем направлении людей. Доносились приглушенные голоса, похожие на жужжание пчелиного роя. Военнопленные. Русские, по шесть в ряд. Нам не видно было конца этой колонны. Когда они подошли ближе, ужасное зловоние, которым повеяло на нас, вызвало тошноту; это было как сочетание вони, исходящей от пещерных львов, с дурным запахом от обезьян в зоопарке.

Но они не были животными, они были людьми. Мы хотели убраться подальше от зловонного облака, охватывавшего нас, но то, что мы увидели, заставило застыть на месте и забыть о тошноте. Были ли они действительно человеческими существами, эти серо-коричневые фигуры, эти тени, ковылявшие к нам, спотыкаясь и шатаясь, существа, у которых не осталось ничего, кроме последней капли воли, позволявшей им продолжать шагать? Казалось, все несчастья в мире были сосредоточены здесь, в этой толпе. И как будто этого было мало, раздавался жуткий хор стонов и воплей, стенаний и проклятий вперемишку с грубыми окриками охранников.

Когда один из пленных, шатаясь, выбился из колонны, со-

крушительный удар приклада винтовки между лопаток вернул его, задышавшегося, обратно на место. Другой, раненный в голову, выбежал на несколько шагов вперед, его жесты были почти гротескными в своей выразительности, и попросил у одного из пришедшего в ужас местного жителя кусок хлеба. Кожаный хлыст обвился вокруг его плеч и отбросил его назад в строй. Худой, долговязый парень отошел в сторону справить малую нужду, а когда и его силой заставили вернуться на место, он все равно продолжал испускать мочу, продолжая идти.

На очень немногих из них были обычные сапоги; у большинства были тряпки, обмотанные вокруг ног и закрепленные веревкой. Сколько же километров они прошагали? Мы вглядывались в лица, которые были скорее мертвыми, чем живыми. Часто глаза горели такой ненавистью, которая, казалось, испепелит их самих; но в следующее мгновение, по странной манере поведения этих людей, они все уже были покорными, озабоченно озирающимися на охранников и их рассекающие воздух хлысты.

Впередиидущие этой человеческой массы уже достигли вагонов и были погружены в них как скот. Один из них был так измучен, что не мог залезть и упал назад на дорогу. Сухо прозвучал пистолетный выстрел, и, словно пораженный молнией, русский согнулся, кровь струйкой потекла из его полуоткрытых губ.

Когда этот изверг, который застрелили его, проходил ми-

мо нас, Францл прыгнул к нему.

– Я тебя убью, ты, скотина! – крикнул он. – Кто тебе велел убивать этого человека?

Но тот лишь вытаращился, не понимая.

– Возьми себя в руки, парень, – сказал он. – Ты, полагаю, новобранец? Это не детский сад. Скоро из тебя выбьют этот детский лепет!

Мы стояли как парализованные.

Францл сжал кулаки.

– Мерзавец еще и говорит по-немецки! – взорвался он. – Он носит такую же форму, как и мы.

– И такую мразь нам придется впредь называть товарищ, – мрачно проворчал Пилле.

Мы были на марше. Еще несколько километров, нам сказали. Всегда было одно и то же: еще несколько километров. Чтобы убить время, мы пели старые марши или спорили о Боге и мире. Но у нас все не выходили из головы эти пленные. О чем бы мы ни говорили, всегда возвращавшись к этой теме.

– Ты видел женщин в форме? – спросил кто-то. – Их целая толпа в той веренице людей.

Это был унтер-офицер в годах, широкоплечий и с большой головой. Он говорил тяжеломерно, низким голосом и при каждом слове кивал, как бы подчеркивая его. Мы звали его Ковак, хотя это была только первая половина его длин-

ной труднопроизносимой фамилии. Он был здесь еще раньше, в самые первые дни кампании, и нам было приятно его общество.

— Их женщины еще более фанатичны, чем самые отъявленные комиссары, — продолжал он, чеканя слова. — В них сам черт сидит.

— Ты имеешь в виду, что они ловко управляют с оружием?

— Не сомневайся, это так, парень. Ты что думал, они проводят свободное время вышивая салфеточки?

Солнце палило нещадно, и мы обливались потом. К счастью, мы несли на себе только свои полевые ранцы. За нами следовала колонна нагруженных повозок, которые тащили лошади. Они везли наше остальное имущество.

Вскоре появились первые жертвы потертостей ног, с трудом ковылявшие, изо всех сил стараясь не отстать от нас. Потом у кого-то возникла идея подождать одну из багажных повозок и взгромоздиться на нее поверх груза. Другие последовали его примеру. Через два дня уже все повозки были переполнены, а когда одна из них в конце концов сломалась под тяжестью, всякая езда была строго запрещена. Теперь хромоногие двигались, держась по обе стороны от повозок, и лишь немногие, имевшие специальные медицинские справки, продолжали ехать.

Мы тащились, еле волоча ноги, все дальше и дальше, день за днем. Мы были так измотаны, что едва могли говорить.

Мы с трудом брели в полной апатии, остановив взгляд на каблуках идущего впереди. Мы почти не удостоивали взглядом многочисленные подбитые советские танки. Но когда то тут то там нам попадались поверженные громадины с черным крестом свастики или когда мы видели подбитый немецкий самолет в поле, то начинали хмуро переглядываться. Эти обломки, казалось, несли в себе предостережение.

Шейх был совсем плох, переваливаясь на ступнях, как хромая утка.

– Иди к врачу и возьми справку, – сказал я.

– Что толку? Посмотри на эти повозки – они все переполнены.

На следующее утро нигде не было видно никаких признаков ни его, ни его винтовки или ранца. Когда мы наконец его обнаружили, то не поверили своим глазам: этот хитрый сукин сын победно ехал в чертовой телеге в одиночестве! Животное было старой кобылой, практически одной ногой в могиле, но все же умудрялось его тащить. Он всю ночь рыскал вокруг, пока наконец не нашел крестьянина, который «продал» ему телегу и лошадь. Хорошенькая, должно быть, была сделка, подумал я.

Расстояние, которое мы покрывали за день, резко сокращалось; едва ли можно было найти среди нас способного нормально идти пешком человека. И никакого намека на то, как долго это могло продолжаться!

Затем наш марш совершенно неожиданно прекратился.

Мы поравнялись с бесконечной колонной ожидавших нас грузовиков.

Теперь мы двигались значительно быстрее, уши со свистом обдувал прохладный ветерок. Наши лица, покрытые толстым слоем грязи и пыли, были неузнаваемы. Но моральное состояние быстро приходило в норму, особенно когда нам выдали кофе и шнапс. Что до нас, то пусть бы эта поездка продолжалась до конца света. Но наше удовольствие было недолгим: вскоре мы прибыли.

Роты были разделены. Нас спросили, чем мы занимались в гражданской жизни, какую получили подготовку, есть ли инженерное образование. Ковак нам говорил:

– Вам нужно им сообщить, что у вас есть водительские права. Тогда попадете в часть моторизованной пехоты, может быть, в колонну снабжения. Вот это дело! Никакой утомительной ходьбы.

Казалось, удача нам улыбалась: нужны были водители. Францл оказался единственным, не считая меня, кто практически выдержал проверку; у Пилле и Вилли хотя бы было некоторое представление о вождении. А Шейх, хотя у него и был когда-то мотоцикл, никогда не садился за руль автомобиля. Набравшись наглости, он сказал старшему сержанту, что у него есть всякие, какие только существуют, водительские права – пусть справятся у его родных, если хотят. Сержанту, конечно, приходилось беспокоиться несколько о дру-

гом, и он перебил его, сказав: ему нужен другой водитель.

На следующий день нас перевели в транспортную часть: Ковака, нас пятерых и еще одиннадцать других.

Шейх был моим напарником-водителем. Нам дали разбитый старенький «опель», Францл получил «форд», и он и Пилле целый день приводили его в порядок. Вилли был теперь в фаворе: стал личным шофером нашего командира.

Мы стали арьергардом инженерных войск, весьма непыльная работенка. Лишь бомбардировщики и низколетящие самолеты время от времени беспокоили нас. Правда, поговаривали о партизанах. Считалось, что они были мастерами устраивать засады на автоколонны.

Вожделение как таковое было довольно тяжелой работой. После дождя грузовики постоянно скользили на дороге, иногда опрокидывались.

Наш командир, лейтенант Зибланд, был неплохим парнем. Он, например, не возражал против того, чтобы мы отращивали усы. Шейх отрастил бороду. Никто бы не поверил, что нам только девятнадцать.

Питание было превосходным. У нас были своя походная кухня и чертовски хороший повар из Гамбурга. Как только нам попадалось что-либо съедобное, мы это реквизировали; и всегда можно было рассчитывать на то, что Пилле, отличавшийся отменным аппетитом, что-нибудь да отыщет.

Однажды он умудрился реквизировать поросенка. Его

взбешенная хозяйка, морщинистая старуха, бежала за ним, требуя вернуть свою собственность на языке, который, совершенно очевидно, изобиловал нецензурными выражениями. Шейх, прирожденный дипломат, в качестве утешения угостил ее плиткой шоколада и поделился с ней жареным мясом. В конце концов, это был ее поросенок.

Ковак был из Нижней Силезии. Он свободно говорил польски и сносно по-русски, поэтому лейтенант Зиbland назначил его офицером, ведающим расквартированием. Ковак относился к этим обязанностям со всей серьезностью и демонстрировал чудеса, реквизируя лучшие спальные места, а также обеспечивая женское общество тем, кто хотел.

Но самая замечательная кровать теряет свою прелесть, если по ней ползают клопы. Однажды я всю ночь беспокойно метался, пытаюсь избавиться от маленьких кровожадных паразитов.

Ковак был безутешен. Он говорил, что это роняет его репутацию. Он утешал нас изо всех сил, когда Шейх предложил:

– Почему бы нам не отдать эту прекрасную кровать Вюрму, этому никчемному унтеру, который жадничает при раздаче пайков?

Это была блестящая идея. Сержант Вюрм, заносчивый придира, который вечно нас погонял, однажды согласился с нашим предложением. Ему понравились шикарные апарта-

менты, которые подобрал для него Ковак.

Когда Вюрм встал на следующее утро, его трудно было узнать. Он выглядел так, будто спал, держа голову в пчелином улье.

Мы достигли украинского города Мариуполя на Азовском море. Ковак разместил нас в очень милом домике с приятной пожилой парой. Мы встретили радушный прием и чувствовали себя совсем как дома. Наши хозяева неплохо говорили по-немецки. На каминной доске была фотография молодого человека в форме советского моряка. Да, это был один из их троих сыновей, двое других были в пехоте – но с начала войны о них ничего не было слышно.

Только тогда мы впервые осознали, что вся эта война была совершенным безумием. Эти пожилые люди обращались с нами так, будто мы были их собственными сыновьями, – и в ответ на их радушие нам, возможно, придется стрелять в их мальчиков, изо всех сил стараясь их убить.

Мы планировали сходить в кино, но город был заполнен войсками, и кинотеатр был забит до отказа. Мы решили развлекаться на ходу. Ковак был в хорошей форме и рассказывал неприличные анекдоты. Шейх заговаривал с каждой попадавшейся девушкой, но лишь настолько, насколько мог. Вилли все говорил о своих родных и скучал по дому.

Вскоре наступил вечер и появились звезды. Мы медленно направлялись к дому. Издали была видна какая-то ли-

хорадочная активность в воздухе. Затем самолеты приблизились, и мы увидели их красные и зеленые навигационные огни. Францл покачал головой.

– Летают вокруг как в мирное время, – проворчал он.

Всего было три самолета.

Вдруг Ковак взглянул вверх с тревогой:

– Э, да это же не наши! Это русские.

– Не шутишь? Зачем у них огни?

– Думаю, маскировка.

И как будто в подтверждение его слов вдруг разверзся ад. Мы распластались на земле. Затем были сброшены еще бомбы, но на этот раз в стороне. В ближайший от нас дом пришлось прямое попадание. Из обломков поднимался дым. В 200 метрах от нас бомба взорвалась на улице и поразила троих солдат из регулярных войск. Двоих невозможно было узнать. Только что они были такими же людьми, как и мы сами; теперь они превратились в бесформенную массу. У третьего оторвало правую ногу. Это был совсем молодой парень, слабо стонавший в луже крови, которая быстро увеличивалась.

Ковак подбежал, чтобы оказать ему первую помощь. Ковак, надо отдать ему должное, учился на медицинских курсах. Затем мальчишку, который был без сознания, отправили в госпиталь.

Воздушные налеты теперь происходили регулярно. Нас несколько раз поднимали в ту ночь. На следующий день на-

ша часть понесла первые потери. Командир велел привести в порядок закамуфлированные грузовики. В момент, когда это произошло, мы выстроились за ними. Я насчитал шестнадцать бомбардировщиков, летевших звеньями. Передние самолеты сбросили по серии бомб каждый. Я крикнул Франц-лу, чтобы он спрятался, и запрыгнул в придорожную канаву. Шейх последовал за мной. Дрогнула земля, и я думал, что у меня лопнут барабанные перепонки.

Наш грузовик был объят пламенем, еще один лишился тента – грузовик кухни. Двое солдат скрючились поблизости, один из них был наш повар из Гамбурга. Можно было подумать, что он еще жив: лишь тонкий осколок торчал из его челюсти. Сначала я не узнал другого – он уткнулся лицом в землю – потом увидел, что это был Вюрм, унтер-офицер; его затылок превратился в кровавое месиво.

Неподалеку мы вырыли два окопа. Зибланд сказал несколько слов о судьбе солдата и об отечестве. Видно было, что эти слова для него ничего не значат; он просто говорил для проформы. А два тела завернули и закопали в землю.

Легкая жизнь кончилась. В ту же ночь похолодало. Возждение было суровым испытанием, особенно потому, что мы день и ночь были в пути. Дважды у нас были стычки с партизанами – мы справились с этим нормально, – но теперь безопаснее стало носить автоматы вместо карабинов.

Нам было приказано отправиться на двух грузовиках в За-

порожье с резиновыми надувными лодками и с оборудованием для саперов. Меня вызвал командир, и я попросил, чтобы Францл со своим «фордом» поехал вместе со мной. Шейх и Пилле поехали со мной в качестве водителей-сменщиков.

На обратном пути, как раз перед наступлением темноты, «форд» Францла сломался. Я отправился с Шейхом искать ночлег. Вскоре мы набрали на крестьянский дом. Поскольку он был расположен в стороне от дороги, мы остановили грузовик и до дома шли пешком, оставив оружие в машине.

Вход был позади. Казалось, что в доме никого не было. Все, что мы увидели, была умирающая корова на куче навоза, которая редела, глядя в небеса.

– Эта чертова корова действует мне на нервы, – сказал Шейх. – Пойду возьму ствол и прикончу ее.

Я сразу возразил:

– Оставайся на месте. Потом решим, что с ней делать. Видишь старуху в окне?

В этот момент лицо исчезло. Мы попытались войти в дом, но двери были закрыты. Шейх постучал в окно.

– Эй, дорогуша! – крикнул он. – Открывай!

Неожиданно дверь отперли, но вышла не старуха.

Появились двое мужчин. За ними последовали другие, всего их оказалось семеро. Довольно подозрительно выглядевшие постояльцы: грязные, небритые, взъерошенные, в обмотках. Партизаны? У Шейха отвисла челюсть.

– Ох моя больная спина, – пробормотал он. – Откуда это

они взялись?

Нас сразу окружили.

– Папироса, – сказал один из них.

Ничего необычного в том, что они хотели сигарет; все русские их просили. Единственное, что настораживало, это угрожающий тон его голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.